

Марта Матвеева

Сумеречный разум,

или Людка

16+

Марта Матвеева

Сумеречный разум, или Людка

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Матвеева М.

Сумеречный разум, или Людка / М. Матвеева — «ЛитРес: Самиздат», 2010

У Людки жизнь круто поменялась: она влюбилась в известного гитариста. Однако её герой не похож на римского бога или Руслана из поэмы Пушкина. Вопросов много... Верить или не верить в благородство? Нести свой крест до конца? Отказаться от любви в обмен на бурные приключения, обещанные художником, или на спокойную жизнь с Профессором? Куда заведёт героиню её судьба? Сможет ли она справиться с искушениями? И, самое главное: неужели у неё тоже, как и у брата, больного шизофренией, разум порой становится сумеречным?

Содержание

Глава 1. Знакомство	5
Глава 2. Милая моя	7
Глава 3. Натурщица	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Глава 1. Знакомство

Людка работала в кассе филармонии небольшого областного центра. Работа нравилась девушке и полностью ей соответствовала: такая же задумчиво-загадочная в часы продажи билетов на концерты местных исполнителей и суетливо-напряжённая в дни приезда настоящих знаменитостей из Москвы или Питера.

Людка выросла в семье неблагополучной – отец пьянствовал, потом бросил их, уехал в деревню, там спился окончательно и умер. Мать, чтобы поднять её и больного шизофренией брата, работала в поликлинике как проклятая, не брезгуя и побочным заработком – делала уколы и массаж всем, кто попросит.

И всё-таки, девчонка эта была не промах. В школе ходила в разные кружки – и в театральный, и в танцевальный. Потом училась в училище, получила диплом, где в графе «специальность» значилось: делопроизводство. Она гордилась собой. И работа подвернулась как раз по ней – близко к искусству, к утончённым и культурным людям, которые Людке казались римскими богами из телевизионной рекламы. Конечно, и себя она тоже мысленно поселила на Олимп и представлялась себе Афродитой, богиней любви, но больше, всё-таки, красоты – здесь у Людки всё совпадало – и месяц рождения – май, и собственная внешность, и характеристика богини, которую она прочитала в книжке, оставшейся в кассе от ушедшей в декрет предшественницы. Больше всего Людку устраивало то, что люди, рождённые в месяц Афродиты, «мягки и привлекательны в общении и через любовь способны достичь многого в жизни». Конечно, она достигнет многого, в этом Людка не сомневалась. И, конечно, через любовь к Аполлону – покровителю искусств, целителю и прорицателю, везунчику и баловню судьбы.

***

В тот день она была не совсем, чтобы очень свеженькой. Накануне сходила с хорошим знакомым в кафе, выпила лишнего, потом они поехали к нему домой, переночевали и оттуда она, роняя перчатки и на ходу завязывая шарф, помчалась на троллейбус, чтобы успеть на работу.

В филармонии ожидался аншлаг благодаря приезду столичной знаменитости – гитариста Виктора Стреленко. С большой афиши, висевшей в холле, на всех любопытствующих смотрело его улыбающееся лицо с копной тёмных волос, а рука с аристократически длинными пальцами опиралась на гитару. Гитара, казалось, тоже сияла улыбкой благодаря присутствию рядом своего кумира и владельца.

Людка для себя твёрдо решила: познакомлюсь, как бы и что бы ни было, и где наша не пропадала! Как только с билетами было покончено, она кинулась в зал. Притормозила у зеркала, осмотрела себя критическим взглядом, достала из сумочки помаду и, надув капризно губки, подкрасила их. «Всё-таки какая она хорошенькая!», – почему-то в третьем лице подумала про себя Людка и побежала за кулисы, чтобы там, если повезёт, перехватить музыканта. Не повезло – Стреленко прошёл на сцену, ему уже не очень стройно начали аплодировать слушатели, ненавязчиво требуя свидания с волшебной гитарой.

Вся в нетерпении, слушая и не слушая гитарные аккорды и переборы, Людка с трудом дождалась антракта и, когда музыкант после поклонов пошёл в гримёрку, она, будто бы случайно, столкнулась с ним в узеньком коридорчике. Если бы его взгляд был водой из таза, которую Людка выплёскивала на себя, когда мылась в деревенской баньке у тёти Шуры, то весь пол, все стены коридора и даже дверь гримёрки оказались бы в сверкающих брызгах, а сама она стояла бы с головы до ног мокрая. Вот такой был у него взгляд! Как она могла остаться в долгу? Людка прошла мимо, как будто ничего не было, остановилась и подождала. Знала, нет, уверена была, что он оглянется. «Он оглянулся посмотреть, не оглянулась ли она...» И Людка быстро взглянула на Виктора, будто в смущении, а на самом деле в ожидании или в желании...

чего? – за секунду до его слов она не смогла бы сказать, чего она желала, но вот он сказал, точнее, спросил, и она тут же поняла: именно этого она и желала.

– А как вас зовут, девушка?

– Людка, – она ответила, и тут же спохватилась: ответила не то и не так!

– А можно я буду называть вас Милой? Давайте после концерта встретимся здесь же, и я буду называть вас Милой?

– Можно, если не «вас», а «тебя», – ответила Людка и снова подумала о себе в третьем лице: «Откуда в ней столько наглости?»

– С радостью! А меня ты можешь смело называть по-латински Победителем!

Глава 2. Милая моя

После концерта всё закружилось, как яркая юбочка у девчонки в танце.

Сначала они поспешно, как будто боясь куда-то опоздать, ели, обжигаясь, пельмени в ближайшем кафе, потом забежали в магазин за вином и коробкой конфет и, почти не разговаривая, пришли в гостиницу, поднялись в номер, где остановился Виктор.

Виктор снял пальто, расчехлил гитару, рукой попытался пригладить волосы. Людка восхитилась его необыкновенной стройностью и седине в тёмных прядях: «перец с солью» – подумала она.

– А теперь – слушай! Виктор взял гитару и, как на настоящем концерте, торжественно объявил:

– Висенте Гомес. Романс.

Если честно, то Людке не очень нравилась классическая музыка – как-то далеко от неё она была, казалась скучной, занудной и длинной. Не понимала Людка, какая может быть радость в том, чтобы сидеть по два часа в зале и слушать одного человека, который что-то такое пытается изобразить особенное на шести или семи – сколько их там? – струнах. «Балалайку в руки возьму, «Светит месяц» тихо заиграю. И тебе, тебе одному о своей любви пробалалаю», – вспомнила она запись песенки, под которую они с Колькой Парамошкиным отплясывали в танцевальном кружке. Танец назывался «Знакомство». Да уж, интересное знакомство у неё получается. С классической музыкой.

– Франсиско Таррега. «Воспоминание об Альгамбре».

Хорошо, что мать не заставляла Людку учиться музыке. Да ей, матери, вообще не до Людки было: всё работала, да работала, да с отцом ругалась, когда тот пьяный приходил. Нет, однажды она Людке рассказала, как они с папкой поехали летом на речку, а у неё, у матери, с собой даже купальника не было, и тогда отец взял лодку напрокат, и они катались на лодке, а погода была такая солнечная, вода – тёплая, и мать почему-то согласилась выйти замуж за отца.

– Да ты не слушаешь, Мила? Что с тобой? – Виктор присел с ней рядом, отложил гитару, но тут же снова взял инструмент в руки и стал тихонько напевать, чуть слышно перебирая струны:

Всем нашим встречам разлуки, увы, суждены.

Тих и печален ручей у янтарной сосны.

Пеплом несмелым подёрнулись угли костра.

Вот и окончилось всё, расставаться пора.

Милая моя, солнышко лесное,

Где, в каких краях встретимся с тобою?

Милая моя, солнышко лесное,

Где, в каких краях встретимся с тобою?

Неожиданно Виктор положил инструмент и обнял девушку, а она, прежде чем забыться в его объятьях, успела заметить, что гитара лежит на полу как одинокая женщина с тонкой талией.

***

Утром Людка провожала Виктора в Нижний Новгород, где у него был очередной концерт. И прямо на автостанции у них состоялся короткий разговор. Точнее, говорил Виктор, а она слушала. Он говорил, что любит только гитару. Что женщин у него было много. Что с Людкой ему было очень хорошо. Что он обязательно ещё не раз приедет в их город, потому что слушатели у них очень чуткие и понимающие. Что она может приехать к нему в Москву, когда

захочет. Пусть она предварительно позвонит. И пусть запишет номер телефона. Мобильного. Ага. Он её любит.

Людка крепко-крепко сжала губы. Ей казалось, что тогда она не заплачет, но слёзы всё равно выступили. Она пальцем осторожненько провела под глазами. В кого она такая чувствительная? Точно, не в мать. Значит, в отца. Помнится, он придёт домой по стеночке, а она, совсем ещё девчонка, строжится на него: «Ты чего это напился опять?». А он ей: «Убью, сука, если будешь меня доставать!» – а сам плачет.

Глава 3. Натурщица

После работы она пришла домой и сразу стала откачивать брата, который кинулся к ней с воплями: «Она в меня стреляет! Она в меня стреляет! Она в меня стреляет!» Глаза подростка были полны ужаса, а показывал он в свою комнату. Людка прижала брата к себе, стала гладить его коротко стриженую шишковатую голову. Когда он уткнулся ей в плечо и тихонько заскулил, она, как можно ласковее, спросила: «Кто стреляет?» «Подушка!» – тут же резко выкрикнул он, отступил от сестры и, присев на корточки, закрыл голову руками. Людка пошла в его комнату, взяла с диванчика, на котором спал брат, подушку и спрятала её в шкаф.

– Иди сюда, её больше нет!

– Она ушла?

– Да, она ушла и велела тебе передать, что больше никогда не будет стрелять! Никогда, слышишь? Никогда... Никогда! Никогда!!!

Людка вдруг осознала, что не просто говорит, а выкрикивает слова. «О, Боже! Не дай ей сойти с ума тоже!» – взмолилась она про себя, побежала в ванную, открыла кран и стала со страхом смотреть на струю: ей внезапно вспомнился кадр из какого-то мистического триллера – там из крана текла не вода, а кровь.

Наревевшись и умывшись, Людка почти выползла из ванной, проковыляла в комнату и там, прислонившись к стареньким обоям, резко и отчаянно застучала в стену. Это был их с Андреем условный сигнал SOS. «Когда тебе будет плохо, простучи мне о спасении своей заблудшей души, и тебе сразу станет хорошо, потому что приду я – твой отчаянный любитель и могучий избавитель, и ты, хочешь того или не хочешь, будешь спасена!» – примерно такую ахинею нес обычно её сосед художник, когда она заходила к нему, чтобы поболтать, посмотреть «полотна мастера» и немножко пофлиртовать. Флирт обычно заканчивался жанром «ню», после чего Людка неизменно возвращалась к себе, а Андрей неизменно говорил ей в спину: «А не стать ли тебе моей штатной музой? Муза – не обуза! Если что, сигнал SOS, ладненько?»

Через минуту Андрей уже звонил в их дверь, а ещё через минуту обнимал Людку в тесной прихожей. «Я согласна стать твоей штатной музой», – прошептала Людка куда-то в плечо своему спасителю. «Муза – не обуза», – тоже шёпотом отозвался, как на пароль, Андрей.

***

Жизнь с художником разделила существование девушки на два разных по размеру полушария: в одном помещались мать с братом, а в другом – они с Андреем, его друзьями, выпивкой, травкой, ночными спорами о высоком в искусстве и утренними «встречами» с низким быту. Одно объединяло эти два разных полушария: они ощущались Людкой как северные. Ей постоянно было холодно. Возвращаясь с работы, она сразу заворачивалась в старенький плед, да так и ходила по квартире. «Девушка, закутанная в плед» с картины известного художника Андрея Хомутова. А, может, ей было холодно потому, что в их доме во всех квартирах батареи этой зимой были чуть тёпленькими, а старые рамы ощутимо продувались?

Она, действительно, позировала Андрею. Позировала неумело, непрофессионально. Часто сеанс прерывался где-нибудь на втором часе, потому что художник раздражённо говорил: «Ты скверная натурщица! Позвоночник у тебя некрепкий, сидишь ты не прямо, стойкости и терпения у тебя не хватает. Впрочем, яркости и самобытности с избытком. Ну, хоть что-то в этот мрачный зимний вечер поймешь. Ты моя Муза – основа нашего союза! Почти Семонетта Виспуччи, а я – посмотри! – чем не великий Боттичелли? А, нет, ты – Гала, а я – Сальвадор Дали, скрывшийся в тёмной дали, потому что вдохновения не дали...» Всего он сказать не успевал. Людка кидалась на него с пледом наперевес.

***

Когда картину не взяли на выставку, случилось самое страшное. Андрея она нашла лежащим в ванне без сознания, вода была красной от крови. Спасло его то, что шпингалет у двери висел на одном шурупе, а пробка не плотно закрывала сливное отверстие ванны.

Людка застыла на пороге и молча смотрела на тело Андрея, но не могла видеть его целиком. Взгляд почему-то остановился на ноге – волосатой мужской ноге сорок пятого размера. Эта мысль о размере, это воспоминание из реально-нормального, обувного мира вернуло её к себе прежней, она кинулась в прихожую,хватила из кармана телефон и набрала 03. «Скорая» увезла Андрея.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.